

ВОЙНА и потусторонний МИР

ДАРЬЯ РАСКИНА

**LIKE
BOOK**

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р24

Художественное оформление *А. Андреева*

Иллюстрации *Екатерины Злобиной* (Enolezdrata)

В оформлении авантитула использована иллюстрация:

© Aliaksei Zykau / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:

© Color Symphony / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Раскина, Дарья.

Р24 **Война и потусторонний мир / Дарья Раскина.** —
Москва : Эксмо, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-199611-6

Две империи — Живая Россия и Потусторонняя — существуют рядом испокон веков, связанные договором о невмешательстве. Но летом 1812-го все изменяется: князя Петра Волконского отправляют в Потустороннюю Россию с просьбой о помощи. У него есть личная причина перейти границу: в недавней битве погибла его сестра Александра, служившая в гусарском полку под видом мужчины. Он мечтает спасти ее из мертвого царства, несмотря ни на что.

Александра Волконская с детства привыкла ни в чем не уступать брату, училась фехтовать, ездить верхом и стрелять. Теперь же она в царстве смерти, и вырваться оттуда невозможно — Кошей никого не отпустит. Но сдаваться не в ее характере.

Только финальный выбор для брата и сестры будет труднее всего: стоит ли жизнь Александры судьбы Живой России?

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Раскина Д., 2024

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-199611-6

Пролог

СМЕРТЬ В СЕРЕБРЯНЫХ ЭПОЛЕТАХ

Вестовая пушка тревожно бухнула, приказывая готовиться к атаке. Корнет Александр Быстров сжал окоченевшими пальцами кисточку-темляк на эфесе сабли. Он сидел верхом в первом ряду своего эскадрона и то и дело украдкой снимал с уздечки другую руку, чтобы спрятать в рукав синего белого доломана, но теплее от этого не становилось.

— Третий раз бьют, а мы все без дела, — цыкнул справа Долохов. — Доколе нас будут морозить? Так и помрем бесславными сосульками.

Александр молчал. Мысли его были о другом. Не о черноглазом красавце Долохове, не о скорой битве, не о холоде и даже не о том, что за последние трое суток он не ел ничего, кроме позеленевших сухарей. А думал он вот о чем: если бы маменька увидела его сейчас, то немедленно прокляла бы, окрестила презреннейшим существом и отказалась называть себя родительницей. А все из-за чего? В чем состоял страшный грех Александра?

В том лишь, что угораздило родиться девицей. Александрой Михайловной Волконской.

Внизу холма защелкали выстрелы. Там кто-то двигался, но очертания врага терялись в тумане — плотном, словно шинельное сукно. В зловещем напряжении казалось, что то были вовсе и не живые, что у подножия холма копошились существа иной, необъяснимой природы. И даже сам ту-

ман был не спокоен — бурлил, будто тянул к людям голодные руки. Кто-то списал бы подобные видения на нервы, но Александра о потустороннем знала достоверно. Как и ее старший брат.

Александра обернулась, выискивая Петра взглядом. Вот он, на самом верху, среди командиров. При виде брата сердце стукнуло сильнее. Чувство вины вот уже в который раз зацарапало между позвонками: за время службы Александра привыкла прятаться от сослуживцев, а от совести — так и не научилась. Отважится ли она показаться? Неделю ведь уже едут бок о бок, Александра — со своим полком, а Петр — адъютантом Кутузова, но открыться ему она так и не решилась. Что она скажет? Прости, что сбегала из дому? Что украла старую гусарскую форму и увела Делира? Что любит его и почитает память папеньки, но домой ни за что не вернется — ни уговорами, ни угрозами, ни приказом? Что любой ценой стяжает славу, пусть даже посмертно, только чтобы никогда более не зваться «негодною девчонкою», чтобы не слышать: «Вот привяжу тебя к прялке, увидишь!», чтоб никогда не держать в руках мерзкие коклюшки, не касаться клавикордов, не рвать в бессловесной ненависти нитки, чтобы никогда более не просыпаться в поту, сознавая, что ей, рожденной в клетке женской горницы, предстоит всю жизнь томиться, а потом и умереть в рабстве у выбранного маменькой мужа. Эх, что ему эти слова, жалобы сестры — беспутной девицы. Не раз он убеждал ее одуматься, бросить неподобающие привычки. От маменьки подобные упреки звучали привычно, из его же уст — обидой, а слова, что он сказал во время последней ссоры — и вовсе предательством. Нет, судьба развела их, и теперь нет больше у Александры братьев, кроме эскадрона.

С глухим животным ревом из тумана вырвалось ядро и, прогудев над головами, угодило в гущу солдат. Запахло взрытой землей. Гарью. Кровь вспыхнула, потекла кипятком по венам, и Александра вцепилась в саблю. За первым

ядром взметнулось еще одно. И еще. А следом на полк обрушился чугунный град.

— Строй! — кричал поверх рокота ротмистр Пышницкий. — Держать строй!

Он зря растрачивал силы — эскадрон и не думал двинуться с места. Гусары застыли, напряженно вглядываясь в туман. Лишь изредка они склоняли головы, когда ядра пролетали так низко, что пригибали высокие султаны на киверах.

Александра сжимала кисточку-темляк на эфесе сабли, но замерзшие пальцы не чувствовали вышитых инициалов, как и ноги не чуяли стремян. Горячо было только в груди, где колотилось сердце.

— Скорее бы, скорее, — прошипел сквозь зубы Долохов. Он заметно побледнел, но лицо его отражало лишь злость. Александра кивнула — что угодно, только не это ожидание.

Их услышали. Сначала в тумане загрохотали копыта, а там замелькали и тени. Показались пики, верхушки касок, взмыленные лошадиные морды — вражеская кавалерия выступала в бой.

— Первому эскадрону правое плечо вперед! — закричал Пышницкий, приподнимаясь в стремянах. — С места марш, марш!

Эфес сам скользнул в ладонь, Александра обнажила саблю. Делир бешено всхрапнул, слушаясь удара шпорами, и полетел вниз по холму злой рысью. Ветер бил в лицо, кусая замерзшие щеки.

Огонь не убавлялся, будто французам не было дела, что стрелять теперь будут и по своим. Артиллерия гремела: ревели ядра, взрывались гранаты, щелкала картечь. Александра неслась, словно на крыльях. Казалось, пусть убьют, пусть сейчас оторвут руки и ноги, пусть пуля пробьет сердце — ничто ее не остановит, ведь вот у нее сколько рук и ног, вот сколько сердец — целый эскадрон, она в каждом из них. Вместе они несутся навстречу славе — бесстрашные, неуязвимые! Глупый француз, как ему одолеть подобную громадину?

Но судьба любит смеяться над излишней гордыней. Вот и сейчас она не пожалела — ударила картечью. Александре опалило бровь, но не успела она обрадоваться везению, как увидела, что лошадь справа теперь скачет свободной, а красавец Долохов лежит в траве с пробитой грудью.

Александра крутанула коня. Не сходя с седла, она свесилась, потянулась — но ей и тут не было удачи: граната подорвалась под самым брюхом Делира. Верный конь — друг, помощник, единственная связь с домом — в последний раз позаботился о хозяйке: подскочил так, что выбросил ее из седла, принял на себя большую часть осколков, прежде чем упасть замертво под ноги эскадрона.

Мир перевернулся. Александра — оглушенная, обсыпанная землей, обездвиженная ударом головы о камни — в немом ужасе смотрела на дальнейшую бойню. Вот поручик Пучков — ах какие он писал стихи! — стонет, измолотый картечью. Вот корнет Волковенко, отчаянный игрок и добряк, вечно подсовывающий ей свою порцию сухарей, раздавлен копытами. Вот Николаша, юный флейтщик с ангельскими кудрями, лежит, раскинув руки, с проломленным затылком. А вот и сам Пышницкий, грозный ротмистр, от чьего взгляда дрожали даже пушки, падает с лошади и смотрит в небо остекленевшими глазами.

Дышать стало совсем трудно — несколько осколков пробили грудь, рубаха и мундир потяжелели от крови. В голове вспыхивали пушечные огни.

В предсмертном кошмаре Александре показалось, что из тумана наконец-то вышел неприятель. И стало видно, что не француз это вовсе, ибо нет в наполеоновских полках такой черной формы с серебряными эполетами, нет чудовищных черных коней, выдыхающих огнем, и нет солдат, что глядят глазами-углями из голых черепов. Молчаливые воины подходили к павшим и ударяли светящейся саблей, выбивая дух из тела.

Что же это творится! С губ сорвался позорный детский всхлип. Разве так должно умереть настоящему воину? Оби-

да и ужас заскользили по вискам. Сверкающий крест перечеркнул небо — то ли Георгиевский, то ли надгробный. Когда один из черных воинов остановился рядом, Александра зажмурилась.

В воздухе свистнула сабля.

* * *

Петр остуился и упал. Лошадь под ним давно подстрелили, так что он полагался теперь на собственные ноги — поручение Кутузова слишком важно, чтобы беречь хоть четыре, хоть две конечности.

Какой бес вселился в Пышницкого? Почему он отдал приказ эскадрону бросаться под вражескую артиллерию, если врага не было и видно? Зачем превратил своих солдат в пушечное мясо? Бесовщина, как есть бесовщина. Приказ Кутузова — «немедленно отступать», и Петр доставит его Пышницкому пусть даже ползком, ведь там, в этом эскадроне, — Сашка.

Сашка...

С вечера уже они скакали бок о бок, а Петр все не решался заговорить. Что он ей скажет? Ты бесстрашна, Сандра, но женщине на войне не место, а посему возвращайся к вязанию и смотринам? Да, так он и сделает — сразу после боя. А потом отправит домой, хоть для этого ему придется обмотать ее веревкой и бросить в карету.

Петр подскочил с земли — и замер, не веря тому, что увидел: склон был мертв. Усеян сине-белыми мундирами, словно срезанными васильками. Никого не пожалел французский огонь.

Да полно, французский ли? Что там за странные тени? В дырах тумана и правда кто-то виднелся — дьявольские рога, горящие глаза, дымящиеся ноздри — что же это творится?! Вот пороховая завеса ненадолго поднялась — и Петр, застыв, увидел, как черные всадники опускают на мертвецов свои тяжелые светящиеся сабли.

Миг — и все исчезло, словно морок. Стало оглушающе тихо. Канонада смолкла, туман рассеялся, а с другой стороны теперь спускалась французская конница.

Проглотив удушающий комок в горле, Петр подхватил с земли прорванное знамя и побежал на врага.

— Впере-е-ед!..

Сзади громыхали копыта второго гусарского эскадрона.

* * *

Сопроводить Сашку ему не дали. Доктор сказал — с такой раной у нее не больше недели, и лучше, если умрет ближе к дому. Петр пришел с просьбой к Кутузову, но тот только вздохнул.

— Отпустить тебя, друг мой, я никак не могу. Сам видишь, француз под Москвой, какие тут отпуска? Скажи, что нужно, дам твоему брату личную карету, отряд для охраны, доставят домой в сохранности, но тебя, уж прости покорно, не пущу. Задание у меня тебе особое. — Он помялся. — Письмо с просьбой о помощи.

— Письмо? — удивился Петр. — Кому?

Кутузов pokrхтел. Похмурился, будто не знал, как подступить к подобному разговору, а потом спросил:

— Скажи-ка, друг мой, что там у тебя за история, что ты умудрился получить орден Содружества от Лесной Царицы?..

Глава 1

МАЛЬКИ В КАРМАНАХ

Мертвые, что виднелись среди деревьев вдоль дороги, не нападали. Пока.

Если быть совершенно откровенным, мертвыми их называть было такой же неточностью, как и считать чавкающий слой густого августовского киселя под колесами дорогой, однако иного — необходимого — титула Петр, к своему стыду, не знал, а за время дружбы с Егорушкой не удосужился спросить. Нечисть? Нелюди? Бесы? А ну как обидятся? Нет уж, лучше дипломатично молчать, а потом украдкой поинтересоваться у Егорушки. А там, уже вооруженному знанием, снова молчать, ибо секрет успешной дипломатии в том, чтобы скрывать не только свое незнание, но и лишнее знание — это Петр уяснил как дежурный генерал и адъютант самого Кутузова. И как человек, однажды неудачно помолвленный.

И все же, как бы ни называли себя неподвижные суровые тени, следящие за гербовою коляской из-за плотной завесы древнего ельника, главное, они не нападали. Пока.

Сдвинув шторку на небольшом оконце, Петр разглядывал стражей леса. Были они разные на вид, но все как один в униформе. Это, пожалуй, удивляло больше всего. Будто недостаточно было самого факта, что границу потустороннего мира охраняли утопленники с белесыми глазами, лохматые оборотни, хмурые лешие с кожей, изрезанной коричневыми морщинами наподобие коры, — так нет, одни при

этом были одеты унтер-офицерами, другие — поручиками, третьи — и вовсе капитанами; где-то даже мелькнула генеральская двуголка. Крохи света, что пробивались сквозь плотную листву, прыгали по начищенным сапогам, медным пуговицам, гладким козырькам гусарских киверов. Оружия видно не было, но к чему сабля тому, у кого огонь и сталь на кончиках пальцев? Мундиры в такой темноте казались то ли серыми, то ли темно-синими, зато все воротники горделиво светились одинаковым имперским красным.

Перед поворотом на озеро Петр окликнул своего денщика:

— Останавливай, Федор, — и тише: — Отсюда я сам.

Коляска остановилась. Звук при этом издала робко-радостный, будто даже она испытала облегчение от того, что глубже в лес ее не отправят.

— Пошто ж вас так, Петр Михайлович? — подвывал Федор, стягивая с крыши большой кожаный ранец. — Верой и правдой государю служите, а вам такое наказание...

— Быть полезным отечеству — не наказание, а великая честь. — Петр определил кочку посуше и выбрался из коляски.

— Да ведь на отрубленную голову двуголочку-то не нацепишь, какая тут польза?

— Типун тебе, Федор. Без помощи лесной царицы с французами нам не справиться, а кого еще послать, кроме меня?

Петр одернул мундир из зеленого сукна, расправил Андреевскую ленту, пропущенную под эполетами, смахнул невидимые пылинки с креста Святого Георгия, а после и с ордена Содружества.

— Вот доброта-то ваша чем обернулась, — не унимался меж тем Федор. — А не спасли бы тогда угорька из рыбацких силков...

— И позволил бы умереть хорошему мальчишке. Разве это по-божески?

Федор охнул, будто слова эти были сильнеешим свято-татством.

— Да ведь из этих он, барин, из нелюдей...

— И что теперь? Нельзя ему мальчишкой хорошим быть? Нет, Федор, Егор — добрый парень, что спас его — я не жалею. Да и благодарность лесной царицы — вещь полезная. Можно надеяться, сразу не убьют...

Он пригладил мундир у сердца, где в потайном кармане лежало письмо с императорскими печатями:

— Верь в меня, Федор: из смертельного боя живым выбрался — и тут не сдамся. Разбивай лагерь и жди. Но ежели через три дня не вернусь...

— Петр Михайлович, родненький...

— Ежели через три дня не вернусь, скачи во весь опор к Кутузову, говори — помощи не будет. Сами пусть в Бородине справляются.

Обняв Федора на прощание, он прихватил ранец и отправился к лесу.

С каждым шагом тьма сгущалась, суровые тени наступали, а решимость улетучивалась. Одно дело бежать на противника, что опытен и опасен, но все же двуглаз, двуног и из магических умений обладает лишь волшебной силой из любой лягушки делать вершину гурманства, а тут...

Вдохнув поглубже, Петр перекрестился и приложил ладонь к кисточке-темляку, перехватывающей шею под рубашкой. Плетеная алая лента с инициалами «А. В.», что когда-то украшала эфес гусарской сабли, вмиг согрела, воскресила в памяти буйные кудри, яркую улыбку, блестящие черные глаза. Эх, Сандра, ты бы такую передрягу точно не упустила. Как она там? Петр отчаянно молился, но неделя, что отвел доктор, уже прошла, и в душе с каждым днем расплзалась яма. Одно не давало отчаяться: воспоминание об огнедышащих конях и их черных всадниках. Ведь это значило, что Сашка там, за потусторонней границей. Можно ли ее встретить? Обнять? Можно ли просить за нее царицу?..

Надежда придала сил, выпрямила спину, подняла голову. Вторя Сашкиному голосу, Петр зашептал слова, что заставили бы даже его труп передвигать ноги. «Гром победы, раз-

давайся...» — повторял он, чеканя шаг по густому мху, туда, где блестело среди хвои небольшое лесное озеро.

У самой кромки он присел, вынул из кармана золотую коробочку и высыпал щепотку содержимого в воду. Заклинание вспыхнуло в памяти, яркое, как и раньше:

— Угорь, угорь, покажись, угорь, угорь, сон свой сбрось; посмотри, что я принес: гречку, просо и овес...

Вода посреди озера вспенилась, забурилась, мелькнуло шелковой лентой гладкое черное тело. Угорь взмахнул хвостом, обдавая Петра веером брызг (несомненно, нарочно, мелкий стервец), а после ушел на дно, выныривая теперь у самого берега. На сушу вышел уже человеком. Мальчишкой. Смешной курносый нос, блестящие глаза, широкий улыбчивый рот. Сын покойного морского царя, племянник лесной царицы, наследник престола, великий князь Егор Никифорович. Егорушка. Казалось, совсем недавно он был патлатым гольшастым пацаненком с ушами-плавниками, а вот же, возмужал, окреп и вытянулся. Стал пригожим отроком с глазами-рыбками и темными вихрами. Правда, остался все таким же гольшастым. Быстро осознав это, он повертелся, разбрасывая вокруг сеть колючих капель, а после протянул руку к земле и принялся облачатся: исподнее, белая рубашка с воротничком-стойкой, штаны на подтяжках и бархатный жилет — и вот перед Петром не нелюдь-водяной, а вполне себе выпускник какой-нибудь столичной «Петришуле», разве что кожа с чешуйчатым узором, да и угольные волосы отливают зеленцой.

— Петр Михайлович! — хохотнул он, улыбаясь во все острые белые зубы. — Вот так встреча!

— Ваше высочество. — Петр склонил голову в приветствии.

— Да полно вам. Пока мы вдвоем, зовите, как и прежде.

— Как вам будет угодно, Егор.

Когда мальчишка ступил ближе, Петр обнаружил, что одежда на нем вовсе не из тканей: белая рубашка — причудливо сотканная паутина, пуговицы — перламутровые ракушки, а бархат на жилете — и вовсе мягкая камышовая опушка. Забавно.

Объятие вышло крепкое и чуть влажное. Егор все стоял, подрагивая в его руках, и Петр не отстранялся: помнил, что им, потусторонним, нет ничего приятнее живого тепла. Но вскоре Егор отступил сам. Вцепился Петру в рукав мундира и повлек по берегу на другую сторону озера, не переставая при этом тараторить:

— Пойдемте-пойдемте, о вашем прибытии уже доложили императрице. Я провожу вас до дворца, а сам побегу обратно на занятия. Мой профессор нравственных наук, Дуб Алексеевич, ужас какой строгий, у меня от него плавники трясутся. Но зато уж вечером на балу вам от меня не отделаться, я все новости из первых уст знать хочу. Да-да, во дворце готовится бал, но вы ведь не будете весь вечер только и делать, что танцевать с нашими Mesdames? Вы же уделите время старому другу?

Петр не был уверен, забавляться ли титулу «старого друга» из уст тринадцатилетнего мальчишки, страшиться бала с лесными Mesdames или переживать, что бальный вицмундир остался дома, нетронутый с начала войны.

— Обещаю, что вечером отвечу на любые ваши вопросы. Только уж и вы меня просветите.

— Спрашивайте, Петр Михайлович.

— Тетушка ваша больше не царица, значит?

Егор покачал головой:

— Императрица. Батюшка свое водное царство ей еще перед смертью отписал, а теперь, раз Мертвое царство завоевано и Кощей Микитьевич в мирном договоре признает лесное главенство, мы — империя.

— И как же мне к императрице обращаться?

— Да как к живой бы обращались. Всемиловейшая государыня, императрица и самодержица потусторонняя, Иверия Алексеевна. Вы уж только Лешей ее не называйте, императрица этого страх как не любит.

Петр взвесил следующий вопрос на предмет неловкости, прежде чем спросить:

— А она... кто? Когда в прошлый раз видел, никак не догадался.